

ренние» области имеет глубокие корни в греческой географической литературе. Оборот ἡ ἕξω Ῥωσία не имеет самостоятельного политического значения, будучи чисто географическим определением.

Наконец, еще один вывод. Стремление «совместить», согласовать данные разных традиций — в данном случае византийской (восходящей к античной) и древнерусской — не всегда может быть правомерным. Описание, данное «извне», может иметь собственные штампы, не согласующиеся с «автохтонным» восприятием. Так, «внешняя Русия» не находит прямого аналога в исторической географии собственно Руси.

О. М. РАПОВ

ЕЩЕ РАЗ О ДАТИРОВКЕ ВЗЯТИЯ КОРСУНЯ КНЯЗЕМ ВЛАДИМИРОМ

В 47-м томе «Византийского временника», вышедшем в 1986 г., опубликована статья Н. М. Богдановой «О времени взятия Херсона князем Владимиром». В ней автор стремится выявить подлинную дату захвата русскими войсками Корсуня (Херсона средневековых византийских хроник) — важнейшего стратегического и хозяйственного центра Византийской державы в Крыму. Историкам эта дата представляется исключительно важной в первую очередь потому, что, согласно некоторым источникам, после «корсунского взятия» киевский князь Владимир Святославич стал проводить политику массового обращения жителей Руси в христианство. Уже в древнерусских письменных памятниках XI—XII вв. имелся разноречивая датировка этих событий. Так, если в «Памяти и похвале Владимиру», написанной Иаковом Мнихом в середине XI в., сказано, что русский властелин овладел Корсунем в 990 г., то создатели «Повести временных лет» поместили сведения об этом событии и о начале всеобщей христианизации Руси под 988 г. Данное обстоятельство привело к спорам среди исследователей по поводу истинной хронологии этих событий¹. Одной из последних работ, посвященных этому вопросу, была моя статья², в которой я попытался доказать, что Владимир взял Корсунь весной 990 г. Н. М. Богданова не согласилась с моей версией и выдвинула собственную, используя для этого особую систему доказательств.

Для уточнения датировки многие историки использовали замечание византийского хрониста Льва Дякона, которым он прочно связал захват Корсуня русскими с появлением на небе кометы. Чтобы читателю было легче ориентироваться, я приведу текст этого хрониста конца X в. в переводе В. Г. Васильевского: «...и другие тяжкие бедствия предвещал восход появившейся тогда звезды, а также показавшиеся в глухую ночь и опять на северной части неба огненные столбы, наводившие страх на тех, кто их видел, — они предсказывали последовавшее затем взятие Херсона тавроскифами и захват Веррей мисянами (болгарами), — и, сверх того, звезда, появляющаяся с закатом солнца на западе, которая совершала свой восход по вечерам, не сохраняла, однако, прочного положения в одном центре, но, испуская светлые блестящие лучи, делала частые перемещения, будучи видима то севернее, то южнее, а иногда даже при одном и том же восхождении изменяя свое местоположение в эфирном пространстве, так что видевшие это удивлялись, поражались

¹ Историографические обзоры см.: Рапов О. М. О дате принятия христианства князем Владимиром и киевлянами // ВИ. 1984. № 6. С. 34—37. (Далее: Рапов О. М. Христианство. . .); Богданова Н. М. О времени взятия Херсона князем Владимиром // ВВ. 1986. Т. 47. С. 39—40. (Далее: Богданова Н. М. О времени. . .).

² См.: Рапов О. М. Христианство. . .

страхом и думали, что не добром кончится страшное движение кометы: что и сбылось согласно с догадками толпы»³.

Далее Лев Диакон сообщил о происшедших затем бедствиях: обширном землетрясении в Константинополе, неурожаях, голоде, распространении «морových язв», наводнениях и сильных ветрах.

В. Г. Васильевский, комментируя этот отрывок, высказал предположение, что в нем речь идет о двух различных «звездах». По его мнению, комета, предвещавшая взятие Херсона и Веррии, появилась в небе в 975 г., а комета, предвещавшая землетрясение и другие несчастья, — в 989 г.⁴ Я не согласился с таким толкованием и попробовал доказать, что в данном тексте говорится об одной и той же «звезде» — комете 989 г.⁵ Н. М. Богданова не отвергла моей системы доказательств, однако заметила: «... изучение текста 10-й главы (X книги «Истории» Льва Диакона. — *О. Р.*) позволяет сделать следующее наблюдение: в ее второй части (содержащей рассказ о движении кометы — предвестницы землетрясения) употребляются причастия только в форме настоящего времени, тогда как в первой части главы — причастия аориста (за исключением одного случая). Такое употребление грамматических форм, по всей вероятности, свидетельствует о том, что события, о которых идет речь в первой части главы, предшествовали тому, о чем рассказывается во второй ее части»⁶.

Подмеченное Н. М. Богдановой исключение, имеющееся в первой части рассказа Льва Диакона, практически не позволяет установить какую-либо закономерность в данном грамматическом построении и полностью обесценивает гипотезу исследовательницы.

Далее Н. М. Богданова пишет: «Интересно также обратить внимание на употребление наречия *ἀλλίς* (вновь, опять) в тексте разбираемого отрывка: „и показавшиеся вновь (опять) на северной стороне огненные столбы“. Так как об „огненных столбах“ Лев Диакон говорит впервые, то логично предположить, что автор подчеркивает появление еще одного знамения и опять на северной части небосвода. Как известно, комета 975 г. совершала восход на северо-востоке *ἀπ' ἀνατολῆς βορειότερος* — дословно: „севернее востока“, в отличие от кометы 989 г., которая появлялась на западе (*πρὸς ὄβριον*). Вполне возможно, что северо-восточная сторона рассматривалась Львом Диаконом как расположенная в северной части неба. Если признать справедливым такое толкование, значит, в начале 10-й главы следует видеть еще одно указание на то, что здесь говорится о комете 975 г.»⁷

Но с тем же успехом можно предположить, что Лев Диакон уже сообщал ранее о каких-то необычных небесных явлениях, возникавших в северной части неба, но сведения о них по тем или иным причинам выпали из дошедшего до нас текста «Истории». Ведь мы пользуемся отнюдь не оригиналом хроники. Можно было бы привести и другие не менее логичные, но также необоснованные фактическим материалом гипотезы.

Кстати, армянский историк Асох'ик, современник событий, писал, что комета 975 г. «стояла на востоке»⁸, а не на севере. И это свидетельствует в пользу того, что Лев Диакон не случайно указал на ее восточное расположение, лишь слегка уточнив его⁹.

³ Васильевский В. Г. Русско-византийские отрывки. II. К истории 976—986 годов (из ал-Мекина и Иоанна Геометра) // Труды В. Г. Васильевского. СПб., 1909. Т. II, вып. I. С. 100. (Далее: *Васильевский В. Г. К истории*. . .).

⁴ Васильевский В. Г. К истории. . . С. 99.

⁵ Рапов О. М. О христианстве . . . С. 38—39.

⁶ Богданова Н. М. О времени. . . С. 44—45.

⁷ Богданова Н. М. О времени. . . С. 45.

⁸ Всеобщая история Степ'аноса Таронского, Асох'ика по прозванию, писателя XI столетия. М., 1864. С. 130.

⁹ Первые переводчики Льва Диакона на русский язык, Д. Попов и В. Г. Васильевский, писали, что комета 975 г. появилась на «зимнем востоке», а это соответствует

Принято считать, что комета 989 г. была впервые увидена арабами на западе «в ночь на воскресенье 19 Раби'а II 379» (27 июля 989 г. по современному летоисчислению), как писал об этом летописец Яхья Антиохийский¹⁰. Однако в 989 г. 27 июля приходилось не на воскресенье, а на субботу¹¹. Следовательно, приведенная Яхьей дата неверна и опираться на нее нельзя.

Наблюдения китайских естествоиспытателей X в., а также расчеты астрономов XX в. показали, что комета 989 г. стала видна в Европе и Азии 13 августа в утреннее время на *северо-востоке* (в восточной части северного созвездия Блинецов и к западу от северного созвездия Персея). Причем двигалась она в направлении *Северного* полюса. Спустя 10 дней она стала появляться по вечерам на *северо-западном* небосклоне. Основное направление ее движения было — на запад и далее к югу. Пройдя через созвездие Волопаса, она устремилась к экваториальному созвездию Девы, в котором и исчезла 13 сентября¹². То есть большая часть видимого пути кометы 989 г. проходила по *северной* части неба. Причем комета как бы раздваивалась, будучи видима то утром, то вечером, то на одной, то на другой стороне небосклона, устремлялась то к северу, то к югу, делилась на части, при этом одни из них начинали светиться более интенсивно, а другие становились невидимыми невооруженному глазу, отчего возникло мнение — «звезда» сдвигалась «то севернее, то южнее». Все это нашло отражение в «Истории» Льва Диакона. Особенности прохождения кометы 989 г. разъясняют нам и загадочные слова хрониста об «огненных столбах», показавшихся в глухую ночь «вновь (опять) на *северной* стороне». Столбы возникли также на севере, как до этого на *северном* небосклоне появилась комета 989 г. — комета Галлея. Показательным здесь является и то, что хронист соотносит комету и «столбы» только в этом аспекте, но не говорит о том, что «столбы» так же, как и комета, вновь появились ночью. Это служит признаком того, что комета в отличие от «столбов» впервые была увидена утром и вечером, а не ночью.

Н. М. Богданова почему-то не замечает, что сообщение Льва Диакона о комете и «огненных столбах» следует сразу же за описанием Авидосского сражения, в котором погиб мятежник Варда Фока. Битва при Авидосе четко датируется В. Р. Розеном с помощью арабских источников 12 апреля 989 г.¹³ Но ведь именно спустя четыре месяца в Европе и Азии люди впервые увидели комету Галлея. Следовательно, в данном месте своей «Истории» хронист полностью соблюдал последовательность в изложении событий первостепенной важности: сражение при Авидосе (12.IV 989) — появление кометы Галлея (август 989) — землетрясение в Константинополе (26.X 989).

Н. М. Богданова высказывает свое несогласие с переводом В. Г. Васильевским приведенного выше отрывка из Льва Диакона. Опираясь на «Греческую грамматику» Э. Черного, 1888 г. издания, она дает собственный перевод рассказа хрониста: «И на другие бедствия *указывал* восход явившейся звезды и показавшиеся вновь на северной стороне в глухую ночь огненные столбы, напугавшие видящих их. Ведь они *указывали* на *свершившийся захват Херсона* тавроскифами и взятие Веррии мисянами»¹⁴.

Из этого перевода следует, что Херсон и Веррия были действительно взяты противниками Византии. Однако, когда произошел этот «свершив-

юго-востоку. (История Льва Диакона Калойского и другие сочинения византийских писателей / Пер. Д. Попова. СПб., 1820. С. 104; *Васильевский В. Г.* К истории . . . С. 56.

¹⁰ *Розен В. Р.* Император Василий Болгаробойца: Извлечения из летописи Яхьи Антиохийского. СПб., 1883. С. 28—29. (Далее: *Розен В. Р.* Извлечения. . .).

¹¹ *Климишин И. А.* Календарь и хронология. М., 1981. С. 177.

¹² *Субботина Н. М.* История кометы Галлея. СПб., 1910. С. 130; *Всехсвятский С. К.* Физические характеристики комет. М., 1958. С. 92.

¹³ *Розен В. Р.* Извлечения. . . С. 23—24.

¹⁴ *Богданова Н. М.* О времени. . . С. 46.

шийся захват»? До или после появления кометы и «огненных столбов»? На данный вопрос с помощью перевода Н. М. Богдановой ответить невозможно. Между тем исследовательница категорически настаивает на первом из двух возможных толкований. Она пишет: «„Если основываться на предложенном нами варианте перевода отрывка из „Истории“ Льва Диакона, то следует признать, что „огненные столбы“ показались уже после захвата Херсона русскими, но еще до того, как взойшла комета 989 г.»¹⁵

Такое мнение соответствовало бы действительности, если бы Н. М. Богданова в своем переводе перед словами «свершившийся захват» подставила слово «уже». Но она этого не сделала потому, что слова «уже» или его синонима в тексте хроники нет. Однако без него заявление оказывается произвольным.

А почему Н. М. Богданова разрывает сведения о появлении «столбов» и кометы? Ведь комета, как и «столбы», также указывала на захват византийских городов! На этот вопрос мы также не получаем ответа.

Зато ниже исследовательница выдвигает еще одну, фактически также необоснованную, гипотезу: «...„огненные столбы“ показались до решающих побед, которые одержал Василий II над мятежниками, т. е. до Хрисопольскогo и Абидосского сражений, а значит, и захват Херсона русскими предшествовал этим битвам»¹⁶.

Но если это так, то почему же Лев Диако́н поместил в своей хронике известие о комете и «столбах» после сообщения о битве при Авидосе?

Если мы примем предложенное Н. М. Богдановой толкование «звезды», упомянутой в самом начале 10-й главы, как кометы 975 г., а также выдвинутое ею предположение о том, что эта комета и «столбы» появились после взятия Херсона русскими, а Веррии болгарами, то окажется, что «звезда», возникшая на небосклоне в начале августа 975 г., а затем и «огненные столбы» как бы констатировали факт захвата указанных выше городов. Причем все это происходило в правление в Византии Иоанна Цимисхия и в княжение на Руси Ярополка Святославича.

Однако такой захват не подтверждается ни русскими, ни иностранными источниками. И в тех и в других Иоанн Цимисхий характеризуется как непобедимый полководец, в царствование которого Византия не только не понесла никаких поражений и территориальных потерь, но, напротив, разгромила многочисленных врагов и установила свое господство над рядом народов, в том числе и над дунайскими болгарами¹⁷. В начале 70-х годов X в. Русь, потерявшая множество лучших воинов в болгарских походах Святослава, а также в сражении с печенегами у днепровских порогов, вряд ли даже могла и помышлять о нападении на крымские владения Византии. Дунайские болгары были истощены войнами с империей и Русью и могли лишь мечтать об избавлении от византийского ига. Где уже им было нападать на греческие города! Наконец, Владимир Святославич являлся лишь новгородским владельцем в 972—975 гг. Это обстоятельство противоречит тем источникам, в которых утверждается, что Корсунь он взял, будучи великим киевским князем¹⁸.

Следует отметить, также, что кометы, метеориты, «огненные столбы» и прочие астрономические явления интересовали людей средневековья потому, что с их помощью астрологи пытались предсказать будущее, а не констатировать происшедшие события. И поэтому можно привести массу исторических примеров. В своей «Истории» Лев Диако́н также выступает в роли прорицателя бедствий, используя при этом небесные аномалии. Уже в самом начале своего труда он сообщает читателю, что

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ См., например: ПСРЛ. М., 1965. Т. IX. С. 35—36.

¹⁸ См., например: ПВЛ. М.; Л., 1950. Ч. I. С. 55—57.

во время рождения и смерти императора Константина Багрянородного появлялась комета «как некое предзнаменование»¹⁹. Описывая в 6-й главе X книги комету 975 г., он заявляет, что «звезда» предвещала страшные мятежи, междоусобные брани, вражеские нашествия, перемещения городов и стран, голод, болезни, землетрясения, «почти совершенную гибель Ромейской империи, как мы в этом убедились из последовавших затем событий»²⁰. Метеорит, упавший в расположение византийского войска в 986 г., предвещал, по мнению хрониста, следовавший затем разгром ромеев дунайскими болгарами. Причем Лев Диакон тут же отметил, что падение метеоритов всегда и везде является предзнаменованием гибельных событий, имеющих место позднее, и привел два примера этому²¹. И, наконец, в 10-й главе X книги хронист снова говорит, что комета, производившая странные перемещения на небе, предсказывала константинопольское землетрясение, страшные бури и иные напасти, случившиеся потом, после ее прохождения²².

Во всех этих замечаниях ярко выступает прочная вера хрониста в зависимость бедствий от ранее происходивших необычайных небесных явлений. Ни одного случая констатации событий с помощью каких-либо астрономических аномалий мы не найдем в его труде. Поэтому нет оснований делать исключение и для приведенного выше текста. Его следует понимать только однозначно: комета и «огненные столбы» указывали на свершившийся впоследствии захват Херсона русскими, а Веррии болгарами. А потому и переводы отрывка из Льва Диакона, сделанные Д. Поповым, В. Г. Васильевским, а также неопубликованный, но новейший, выполненный М. М. Копыленко под редакцией С. А. Иванова (им пользовался я), в которых более точно улавливается мысль византийского хрониста, чем в переводе Н. М. Богдановой, оказываются в большей степени соответствующими исторической действительности.

Н. М. Богданова в своей статье придает исключительное, первостепенное значение исследованию грамматических построений Льва Диакона и делает ставку на «сверхточное», буквальное прочтение источника. Это привело к тому, что ее перевод оказался двусмысленным, темным, непонятным читателю.

Думается, что такой подход к средневековому источнику вообще не может быть применим. Он имел бы ценность при условии: переводчику было бы заведомо известно, что в данном произведении совершенно отсутствуют грамматические ошибки. Но практика показывает, что обычно в средневековых текстах встречается великое множество описок, неточностей, пропусков слов. Какие же есть доказательства, что Лев Диакон, а также переписчики его труда, работавшие в XII в., были свободны от ошибок. Кроме того, возникает вопрос, — а можно ли переносить правила классического древнегреческого языка на средневековые греческие тексты, как это делает Н. М. Богданова? Действовали ли они в X—XII вв.? К сожалению, никакого обоснования такого переноса мы не найдем в ее работе.

Методы исследования, предложенные Н. М. Богдановой, вызывают возражения. Выдвинутые ею гипотезы не подтверждаются убедительными доводами. Сделанный на основе этих гипотетических построений вывод о том, что летописную хронологию «корсунского сказания», приведенную «Повестью временных лет», нельзя считать легендарной²³ (как это утверждали некоторые предшественники Н. М. Богдановой, включая меня), оказывается лишним серьезным мотивировок.

¹⁹ *Leonis Diaconi Caloënsis. Historiae libri decem / E rec. C. V. Hasii. Bonnae, 1828.*
I. 1. P. 16—17.

²⁰ *Ibid.* X. 6. P. 168. 10—23; P. 169. 1—13.

²¹ *Ibid.* 8. P. 172. 1—18.

²² *Ibid.* 10. P. 175. 11—24; P. 176. 1—10.

²³ *Богданова Н. М. О времени. . . С. 46.*